УДК 322

ДИССЕМИНАЦИЯ ОПЫТА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ, ТУРЦИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Кашаф Шамиль Равильевич научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН (107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12); координатор проектов кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.
E-mail: Kashaf.dumrf@gmail.com

Аннотация

Одной из характерных черт современного общества, подверженного все более прогрессирующей секуляризации, становится процесс социальной интеграции двух важнейших институтов – религии, служащей удовлетворению потребности людей в решении их духовных проблем, и образования, призванного удовлетворять человеческую потребность в получении знаний и компетенций. В статье рассматривается имеющийся опыт организации исламского образования (на примере России, Турции, Казахстана, Кыргызстана и др. стран Центральной Азии) во взаимодействии мусульманских религиозных организаций с различными институтами светского государства. Делается вывод о том, что усилия в направлении диссеминации опыта организации исламского образования в странах со значительным мусульманским населением могут служить целям светского государства, укрепляющего в сотрудничестве с социально значимыми созидательными религиозными организациями духовный суверенитет страны, ее национальную безопасность, так и нести деструктивный элемент, способный создать угрозы – через образовательную систему – духовному и политическому единству многоконфессионального общества.

Ключевые слова: *государственная образовательная политика, духовное единство, институты, ислам, исламское образование, Казахстан, Кыргызстан, мусульманские религиозные организации, Россия, Турция.*

В современных секуляризованных обществах интегративная тенденция, затрагивающая процесс сближения в деятельности двух важных для всего человечества социальных институтов – религии и образования, наиболее выражена в точке непосредственного схождения, а именно: в религиозном образовании. Рефлексия на этот феномен со стороны некоторых европейских наблюдателей, которая последовала на страницах одного из журналов, патронируемого ЮНЕСКО, выявила наличие дискуссии об интеграции религиозного компонента и пересмотре объема его присутствия в учебном плане даже в тех образовательных системах, где ранее религия игнорировалась.

В последние годы политические деятели, обратившие свое внимание на те модели, объединяющие институциональные структуры (дошкольные и средние образовательные учреждения, образовательные организации высшего образования), где преобладает религиозная составляющая, эволюционировали в сторону культурного плюрализма в образовании. В коммуникации представителей светского и религиозного дискурса вопрос допустимости религиозных методов образования постепенно стал окрашиваться в более позитивные тона, перерастая в уверенность, что «это уместно и "терпимо" в более взаимосвязанном мире разнообразных народов и культур» [35, p. 130].

* *Автор выражает благодарность И.И. Абылгазиеву и М.С. Мейеру, сопредседателям оргкомитета, Ж.С. Сыздыковой, председателю программного комитета, а также участникам Международной научно-практической конференции «Казахстан во всемирной истории: вечные ценности и новые горизонты» (Москва, 8–10 декабря 2016 г.), организованной Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (Институт стран Азии Африки) при поддержке Посольства Республики Казахстан в Российской Федерации, за ценные замечания и предложения к представленному в ходе обсуждения докладу, которые были также учтены при написании настоящей статьи.*

Особую динамику отмеченному процессу взаимопроникновения религии и образования в странах постсоветского пространства, избравших за основу конституционного строя светский характер государства[1], придает так называемое религиозное возрождение. Возрастание влияние религии на жизнь социума и мировоззренческие ориентиры самых широких слоёв населения стало фактом реальности как для России, в которой многомиллионная мусульманская умма (сообщество) проживает в качестве меньшинства в немусульманской стране, так и для получивших независимость государств Центрально-Азиатского региона, где этнические мусульмане занимают доминирующее положение по численности граждан.

Вместе с тем, оживленный интерес к тюрко-язычным мусульманским странам и таким регионам России, как Поволжье, Северный Кавказ и Крым, наблюдается со стороны Турции – государство, которая с распадом Советского Союза предложила свою «ролевую модель для подражания со стороны вновь созданных на постсоветском пространстве тюркских республик Кавказа и Центральной Азии» [38, p. 111]. И чем ближе к празднованию столетия Турецкой Республики (в 2023 г.), тем чаще турецкие политики подчеркивают свои глубокие исторические и культурные корни на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии.

Как некоторые полагают, в отдельных регионах Турция смогла значительно продвинуться в продвижении своей «неоосманской» доктрины, особенно на Ближнем Востоке [42]. Решение Турцией многомерной повестки дня в своих отношениях с критическими регионами, опирающимися на глобальную политику, а также заявленный курс на создание вокруг нее «стратегического пояса стабильности, процветания и безопасности» [41], очевидно, служит планам «растущей средней державы» [39] занять достойное место в сети глобального управления, а лучше бы – на подиуме ответственных международных политических акторов!

Но времена Османской империи – ушедшая натура, к тому же, «идеи "неоосманизма" воспринимаются в тюркоязычных странах и в … России … отнюдь не однозначно и часто встречают противодействие» [27, с. 69]. Радикальная смена имперской риторики на более «дружественные» формулировки (так, А. Давутоглу, министр иностранных дел Турецкой Республики, заявляет: «У нас есть две категории государства – друзья и потенциальные друзья. Нет третьей категории» [41]) вполне вписывается в формат новой турецкой политики «мягкой силы».

Согласно Дж. Ная, эффективно пользуясь во внешней политике стратегией «мягкой силы», государства в состоянии привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов [40]. А.В. Торкунов указывает, что экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей могут также включаться в данную стратегию [26, с. 85].

Конечно, как всегда, дьявол кроется в деталях, и тест на такой подход, при котором рассеивание знаний и духовных ценностей ислама, диссеминация опыта организации религиозного образования, мультиплицирующая «плоды исламского просвещения» среди других сообществ, продвижение турецкого языка в тюрко-язычных странах будет своим рассмотрением конкретной стратегической проблемы, обозначая ее как «завоевание» уже имеющихся и потенциальных друзей.

Согласно исламской традиции, поиск знаний, т.е. образование рассматривается как одна из важных обязанностей человека, а обладающий знанием наделяется достоинством [30, с. 38]. Вера и знание, в соединении с терпением, многократно умножают способность индивидуума, говоря словами татарского мыслителя Мусы Бигиева[2], «решить все проблемы и найти выход из любого положения», демонстрировать «лучшие пути для прогрессивного развития», «всегда вести свой народ по прямому пути к счастью», «быть лидером и вождем» [4, с. 48].

---

[1] Светская модель как основной путь развития государства декларируется в конституциях Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Туркменистана. При том, что в Основном законе Беларуси, Молдовы и Узбекистана понятие светскости не номинируется в числе базовых конституционных характеристик государства, принципы отделения государственных институтов от религиозных объединений и соблюдения светского характера государственного образования отражаются в соответствующих разделах конституций названных стран.

[2] Бигиев, Муса Джаруллах (1875–1949) – выдающийся российский мусульманский богослов и философ, один из лидеров обновленческого движения в России.

В завершающую декаду XX века, когда ислам активно присутствовал в публичной повестке дня постсоветских республик, идея возрождения исламских ценностей как духовной опоры и основы организации жизни и повседневного быта мусульман, не противоречащих демократическим преобразованиям светского государства, последовательно овладевала умами экспоненциально растущего числа приверженцев ислама. В определенной степени развитию этого дискурса не мог не способствовать и опыт Турции по «соединению ислама с демократией», знакомство с которым для российских, казахских, киргизских и узбекских мусульман оказалось более доступным после открытия внешних границ бывшего СССР.

Серьезное значение имело и крушение системы атеистического воспитания. Российский мусульманский деятель Р. Гайнутдин, руководивший с момента основания в 1994 г. в Москве Духовным управлением мусульман Центрально-Европейского региона России (в 2014 г. переименовано в Централизованную религиозную организацию Духовное управление мусульман Российской Федерации, далее – ДУМ РФ), важным достижением демократических преобразований в стране для мусульман того времени называет наступление духовной свободы: «Мы можем открыто чувствовать, проявлять свою принадлежность к исламу, гордиться принадлежностью к исламу, мусульманской культуре, мусульманскому миру» [7, с. 5].

Одновременно с явным ростом религиозности среди мусульманской части населения постсоветских стран и резким увеличением числа приверженцев исламской культуры, начавших придерживаться норм шариата в своей повседневной жизни, определенные силы попытались реализовать на возникших межэтнических противоречиях внутри мусульманского сообщества собственные сепаратистские проекты. В ряде бывших стран Советского Союза, где наблюдалась тенденция политизации ислама, соединения исламского фактора с политическим радикализмом и национализмом, власти были вынуждены пересмотреть свою политику по отношению к самой молодой мировой религии, к мусульманскому миру в целом. В разряд первостепенных направлений государства вышла также задача «формирования нового соотношения между светскостью и религиозностью» [14, с. 330].

Пришедшие после распада советской идеологической системы и атеистических принципов на территорию суверенных республик Центральной Азии религиозные идеи, которые смогли быстро заполнить возникший нравственный и духовный вакуум, часто оказывались не лишенными деструктивных сентенций. В начале 1990-х гг. в борьбу за влияние на верующих Казахстана быстро включились различного рода миссионеры, по сути оказавшиеся эмиссарами экстремистских организаций. Воспользовавшись установленными в 1992 году дипломатическими отношениями между республикой и рядом мусульманских государств (Пакистан, Ливия, Египет и т.д.), они под прикрытием ложных и псевдоисламских лозунгов смогли выстроить собственную «образовательную» деятельность, используя для этого, в том числе, восстанавливаемые на территории Казахстана мечети и медресе.

В условиях актуализации религиозного фактора правительство Республики Казахстан и руководство зарегистрированных в установленном законом порядке мусульманских религиозных организаций, включая Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), были вынуждены солидарно выступить против деятельности носителей неприемлемой идеологии религиозного радикализма, исламских сектантских течений «экспортного» происхождения, имеющих деструктивный, экстремистский характер. Поскольку их действия, по мнению региональных наблюдателей [23], могут реально угрожать национальной безопасности Казахстана, провоцировать нарушение светского статуса государства и других стран региона.

Усматривая в усилении террористической активности следствие роста радикализации, в том числе религиозной, и причисляя описываемый тренд к числу доминирующих в современном мире, эксперты Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан признают в качестве «наиболее важного инструмента продвижения контртеррористических и контрэкстремистских нарративов в стране» развитие казахстанского образования, в том числе религиозного и религиоведческого [5].

Отметим, что решение такой задачи не может показаться тривиальным, учитывая то обстоятельство, что формирование казахской идентичности, представление о которой можно составить в том числе по работе М. С. Шайкемелева [31], продолжительное время протекало на фоне борьбы идентичностей, ставившей людей Казахской степи «между Тенгри и Аллахом».

Напомним в этой связи, что приход ислама в Среднеазиатско-казахстанский регион, вытеснившего в конечном итоге с его обширных просторов культурную традицию шаманства как

«форму религии и культа, центральной идеей которого является вера в необходимость особых посредников между человеческим коллективом и духами (божествами)» [3, с. 6], сопровождался процессом религиозного синкретизма. С одной стороны, самая молодая религия, подвергала разрушению и запрещению реликты домусульманских верований и обрядов у народов Средней Азии и Казахстана (узбеков, таджиков, киргизов, уйгуров, казахов, каракалпаков, туркменов), а с другой стороны, по мнению В.Н. Басилова, сам ислам вобрал в себя «богатые традиции шаманства» [3, с. 282]. Исламизация мировоззрения тюркского шаманства привела к тому, что к 19 веку «Тенгри растворился в шаманизме» (по А. Кодару), из шаманского культа уже исчезли черты, явно входившие в конфликт с нормами ислама [25, с. 50].

Ислам же, прежде всего, суннитского толка, в его наиболее распространенной в мусульманском мире ханафитской[1] версии, оказал мощное влияние на самобытность и ценностные ориентиры многих кочевых народов в пространственно-временном континууме. «Распространяясь все глубже в казахские степи, ислам стал неотъемлемой частью национального мировоззрения и культуры, органично синтезировал казахские традиции и обычаи и религиозные принципы» [24].

Притом что современный Казахстан, где проживают представители 140 этносов и 17 конфессий, а основными религиозными группами являются мусульмане и православные, по мнению высших иерархов Русской православной церкви, служит примером мирного взаимодействия всех людей [16], исламская нарративная идентичность активнее прочих формируется в публичном пространстве. И в этот процесс наряду с мусульманскими религиозными деятелями субъектно включена политическая элита и, судя по дискурсу президента Н.А. Назарбаева, конституирует ислам в качестве «духовной ценности нашего народа на протяжении многих веков» [22].

Впрочем, маркируя ислам как религию, способную укрепить духовно-мировоззренческую основу формирующейся казахстанской государственности, инициаторы проекта казахского нациестроительства увидели в феномене исламского ренессанса, в первую очередь, мощный идеологический ресурс этноконсолидации и мобилизации сторонников национального возрождения. По сути в глазах значительной части населения ислам стал усваиваться как «неотъемлемый элемент этноказахского самоопределения» [34].

Когда авторы цитируемого отчета «Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи», представленного Ассоциацией социологов и политологов Казахстана, фиксируют в республике «государственное покровительство национальной религии» [34], возможно, даже проявляя излишнюю эмоциональность в констатации такого факта, любопытно будет вспомнить о другой работе одного из них – Б. Бектургановой, опубликованной в соавторстве с Д. Фурманом в середине «нулевых» в журнале «Свободная мысль». «"Протекционистские" барьеры в Казахстане слабее, чем в России (и тем более – чем в Узбекистане и Туркмении), и в последнее время они, пожалуй, уже не растут, а уменьшаются» [29, с. 12].

Прошедшее десятилетие движения к «управляемой демократии» в Казахстане, только усилившей склонность к монополизации религиозной сферы, созданию протекционистского режима исламу, препятствующего распространению нетрадиционных для народа этой страны религиозных и псевдорелигиозных течений, вносит свои коррективы в оценки местных наблюдателей. На государственном уровне логика протекционизма заключается в создании благоприятных условий для развития деятельности Духовного управления мусульман Казахстана, которому президентом Н.А. Назарбаевым придан исключительный статус «единственной признанной структуры традиционного Ислама» [19].

Ожидаемо, что особенности религиозной идентичности казахстанцев сегодня не могут не учитываться при институциональной организации исламского образования в контексте государственной образовательной политики. Одним из важных шагов по упорядочиванию дел в этой сфере стало заключение в 2001 г. соглашения между правительствами Арабской Республики Египет и Республики Казахстан, ратифицированное Парламентом РК и утвержденное 2 июля 2003 г. президентом Н.А. Назарбаевым, которым предусматривалось открытие в Алмате Египетского университета исламской культуры «Нур-Мубарак» (в 2001 г. переименован в Казахско-египетский исламский университет «Нур»).

Вуз, получивший лицензию и государственную аккредитацию Министерства образования и науки Республики Казахстан, обеспечивает профессиональную подготовку квалифицированных кадров исламоведов, религиоведов, преподавателей арабского языка, преподавателей

[1] Ханафиты – последователи одной из четырех суннитских религиозно-правовых школ (мазхабов).

для медресе, кадров религиозных служащих для мечетей (в 2016 г. их число в стране достигло 2518 [18]).

В рамках системы исламского образования Казахстана при ДУМК функционируют республиканский институт по обучению имамов (Астана), а также 9 медресе: «Сарыагаш», «Астана», «Чимкент», «Абу Бакр ас-Сиддик» в Павлодаре, «Хибатулла Тарази» в Таразе, «Ушконыр» в Алматинской области, «Абу Ханифа» в самой Алматы, «Актобе», «Орал» в Уральске, 2 центра подготовки хафизов (чтецов Корана) – «Ихлас» (Чимкент) и «Каум Ад-Дин аль-Иткани аль-Фараби ат-Туркестани» (Акмолинская область). По данным ДУМК, в этих учебных заведениях ведется обучение 2568 будущих специалистов [18], а их руководители регулярно отчитываются о проделанной работе перед Верховным муфтием Ержаном кажы Малгажыулы [10].

Осознание властью того факта, что «официальные мусульманские структуры обладают определенным потенциалом фактического влияния на жизнь местных сообществ» [21], формирует качественно новую ситуацию взаимодействия государства с мусульманскими религиозными организациями. Так, ДУМК совместно с Минобрнауки РК на основе подписанного в 2015 г. двустороннего соглашения приступили к реформированию религиозной и образовательно-просветительской сферы. В 2016 г. статус медресе, расположенных в городах Сарыагаш, Шымкент, Алматы, Актюбинск, был повышен до уровня «колледжей», осуществлена модернизация учебных планов и программ в соответствии с государственным стандартом [18].

Весьма значимым событием, определяющим новый этап в институционализации исламского просвещения в республике, стало принятие Концепции развития религиозного (духовного) образования Духовного управления мусульман Казахстана до 2020 года. Как ожидается, одним из результатов ее реализации станет предоставление полноценного, качественного, конкурентоспособного исламского образования, которое во взаимодействии с государственными образовательными организациями и учреждениями науки будет способствовать удовлетворению растущих духовных потребностей общества и его граждан.

Таким образом, в число приоритетных задач, стоящих перед институтами мусульманского сообщества и государства, казахстанским обществом в целом, руководством республики выдвигается необходимость формирования религиозного сознания, соответствующего традициям и культурным нормам страны. Это актуализирует перед субъектами исламского образования в Казахстане подготовку высококвалифицированных специалистов, глубоко знающих основы ислама (традиционного для Казахстана ханафитского мазхаба), его историю и культуру. Перед корпусом имамов крупных мечетей, действующих в областных, городских и районных центрах, ставится задача становиться специалистами не только в области религиозной, но также и политической коммуникации: «быть всесторонне развитыми, быть политически грамотными, уметь работать с людьми» [18].

Коммуникативные навыки в условиях развития современных обществ являются одной из востребованных компетенций, поскольку без коммуникации, по справедливому замечанию Ф.И. Шаркова, конструирование социальных общностей, институтов и организаций становится невозможно, как и развитие государственности [32, с. 176].

Для таких религиозных служащих, как главный имам, найб имам, преподаватель, мулла, муэдзина специально разработана программа «500 просветительных имамов», требующая от них овладения современными светскими подходами, необходимыми для укрепления единства народа и межконфессионального согласия в динамично меняющемся казахстанском обществе.

Развитие и поддержка на государственном уровне теологического образования как культурного императива для общества при соблюдении принципа светскости – отчетливый тренд последних лет в религиозной и общественно-политической жизни республики. «Мы гордимся тем, что являемся частью мусульманской уммы. Это наши традиции, – подчеркивается в Послании Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». – Но мы не должны забывать, что мы имеем традиции и светского общества, что Казахстан – светское государство» [17]. Только в таком синтезе, по мнению Н.А. Назарбаева, государство и религиозные объединения могут находить стратегическое взаимодействие в процессе формирования религиозного сознания народа, которому предстоит жить «в XXI веке, а не в средневековье» [17].

Новые приоритеты, возникшие после распада СССР, определенным образом сказались и на образовательной политике Кыргызстана, другой центральноазиатской страны. При этом реструктуризация образовательной системы, проводимая с начала 1990-х годов в Кыргызской Республике,

позволила присоединиться к различным видам образовательной деятельности также и некоторым зарубежным центрам, которые, выступая в качестве финансовых доноров, не всегда готовы были разделять демократические ценности страны своего присутствия. В частности, в Бишкеке и других населенных пунктах Кыргызстана стало возможным функционирование более десятка частных школ, открытых на средства Турецкой образовательной ассоциации Фетхуллаха Гюлена (Fethullah Gülen) [12, p. 187].

В свете июльских событий 2016 г. в Турции, где руководству страны при поддержке населения удалось предотвратить вооруженный переворот и захват власти военными, в попытке произвести которые президент Реджеп Тайип Эрдоган обвиняет Гюлена [36], а бывший советник американского президента Обамы Збигнев Бжезинский (Zbigniew Brzezinski) не скрывает за действиями основателя движения «Хизмет», эмигрировавшего в 1999 г. в США, серьезную теневую роль ЦРУ [37], вклад этого проповедника и влиятельного в исламском мире общественного деятеля в духовную безопасность Кыргызстана может иметь и свою оборотную сторону.

Развитие современного Кыргызстана проходит, как и в Казахстане, в русле светской модели демократического государства с преобладающим мусульманским населением. По мнению киргизского руководства, этому должно способствовать эффективное государственное регулирование религиозной сферы, повышение уровня сотрудничества государственных органов и гражданского общества, прежде всего религиозных организаций и объединений. Сегодня в республике по большей части они являются исламскими. Из 2814 зарегистрированных в Кыргызстане религиозных организаций 2422, или 86%, являются мусульманскими, 380 – христианскими [9, с. 17–18]. Также в Кыргызской Республике зарегистрировано порядка 70 мусульманских центров, фондов и объединений, занимающихся образовательной, просветительской, благотворительной деятельностью и строительством культовых объектов. Бурный рост числа последних стал возможным в силу влияния и финансовой поддержки со стороны турецких, пакистанских, арабских, иранских и других религиозных организаций и деятелей. Этот процесс привел к появлению новых культовых практик и расслоению мусульманской общины в стране, которое, по оценкам специалистов, может в будущем привести к возникновению противоречий и конфликтов на религиозной почве.

В стране реализуется утверждённая Указом Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 г. № 203 Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы [28]. Признавая, что в Кыргызской Республике сложилось поликонфессиональное общество, но при этом является страной, где большинство населения составляют мусульмане, Концепция справедливо уделяет особое внимание взаимодействию государственных органов с исламскими организациями и объединениям и традиционно исповедуемому народами Центральной Азии ханафитскому мазхабу. Отличие последнего от других мазхабов и течений ислама состоит в том, что в силу своей веротерпимости он не противопоставляет исламские ценности национальным традициям и обычаям. Другой особенностью ханафитского мазхаба называется присутствующая в нем идеологическая основа для развития партнерства с государством. Это позволило традиционному исламу сосуществовать без явных конфликтов с государством в советское время и сегодня позволяет развивать эффективные взаимоотношения светского Кыргызстана и религии в целях обеспечения стабильности и развития демократического общества.

В Концепции подчеркивается, что государство создает условия для укрепления и развития традиционных умеренных форм суннитского ислама на основах религиозно-правовой школы ханафизма и матуридитского вероубеждения. Данное направление, которого придерживается большинство граждан Кыргызской Республики, исторически доказало способность к веротерпимости, добрососедству, взаимоуважению в условиях этнического и религиозного многообразия.

В целом государство признаёт положительное влияние и вклад религии в культурную, социальную и образовательную сферы, идёт на сотрудничество с религиозными институтами, при этом выстраивая систему строгих ограничений, направленных против политизации религии и деструктивной деятельности религиозных движений [8, с. 14]. В этой связи важным направлением предотвращения религиозной радикализации, распространения экстремизма в Кыргызстане, а также противодействия вовлечению молодежи в ряды запрещённых террористических организаций, их активной вербовки для участия в войне на территории Сирии против законного правительства становится укрепление духовно-нравственных основ кыргызского общества, реформирование религиозного и религиоведческого образования.

При действующих в настоящее время в Кыргызстане свыше 80 образовательных исламских религиозных учреждений ни одно из них (на момент написания статьи) не располагает государственной сертификацией. Отсутствуют стандарты религиозного образования, и учебные программы не унифицированы. В некоторых учебных заведениях обучение сводится к заучиванию сур Корана и изучению практики культовых обрядов. В стране лишь 20% исламских духовных служителей, по отчетам казыятов, имеют базовое религиозное образование, полученное в медресе и исламских институтах.

По оценке специалистов, далека от совершенства и подготовка кадров в государственных высших учебных заведениях, где действуют теологические факультеты, преподающие наряду с религиоведческими дисциплинами и теологические, что, в частности, можно сделать из выводов экспертов Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики [8, с. 15].

За необходимость проведения комплексной работы по совершенствованию системы светского религиоведческого образования во взаимодействии с Духовным управлением мусульман Кыргызстана как одного из субъектов модернизации исламской педагогики и образования, высказывается президент Кыргызстана А.Ш. Атамбаев. И рассматривает ее как важную составляющую проводимых в стране реформ, а также в контексте противодействия государства деструктивным и экстремистским религиозным течениям.

Наблюдаемые в странах Центральной Азии с тюрко-мусульманским населением тенденции на сближение позиций государства в духовно-образовательной сфере с исламскими религиозными организациями, представляющими традиционную для этой части Евразийства суннитскую ветвь ислама, в значительной мере согласуются с аналогичными процессами в России. Инициативы президента Российской Федерации В. Путина в области реформирования мусульманской образовательной системы, воссоздания собственной исламской богословской школы, которая обеспечит суверенитет российского духовного пространства, находят понимание как у мусульманского духовенства, так и у представителей российской уммы в целом.

В условиях нарастающих вызовов и реальных экзистенциальных угроз Российской Федерации со всей остротой актуализируется проблема защиты единства и национальной безопасности российского общества (отдельные ее аспекты рассматриваются автором в [11]). Деструктивные действия со стороны как внешних, так и внутренних сил, ставящих целью в конечном итоге разрушение сильного самостоятельного государства с тысячелетней историей, сегодня активно направляются на духовную и культурную десуверенизацию страны, подрыв позиций традиционных религий России, размывание ценностного консенсуса ее многонационального и многоконфессионального народа, сумевшего обрести и сберечь собственную уникальную цивилизационную идентичность.

Как пишет В.Х. Акаев, «цивилизационное развитие России как многонационального федеративного государства во многом зависит от сохранения и развития этнического и культурного многообразия, исторически существующего, а также от умения жестко отстаивать свои геополитические, национальные интересы не только по всему периметру государственных границ, но и на дальних подступах к ним» [1, с. 119]. В русле президентских инициатив в социальной сфере заметно оживилась работа по формированию исламской образовательной системы, соединившая усилия представителей различных федеральных органов государственной власти, органов власти в субъектах Российской Федерации и мусульманских религиозных организаций в сфере исламского образования. В числе приоритетных все более проявляется деятельность, способствующая созданию положительного образа традиционного ислама как важной духовной составляющей общероссийской идентичности.

Как подчеркнул президент РФ В.В. Путин на церемонии открытия в 2015 г. Московской соборной мечети, вошедшей после масштабной реконструкции в число самых крупнейших мусульманских храмов в Европе, государство «будет и впредь помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования» [20]. Это заявление, прозвучавшее в присутствии многих приглашенных руководителей субъектов РФ, органов государственной власти и управления, высоких иностранных гостей, среди которых назовем турецкого лидера Реджепа Тайипа Эрдогана и главу Палестины Махмуда Аббаса, духовными лидерами было воспринято как приглашение со стороны государства институтам мусульманского сообщества России к ответственному развитию системы исламского образования и интеграции в общероссийское образовательное пространство.

Принимая во внимание важность создания основ образовательного суверенитета страны, выстраивания системной работы в сфере религиозного образования и просвещения мусульманского сообщества России, столкнувшегося с угрозами экстремизма и радикализма и не располагающего собственными достаточными ресурсами «для выведения исламского образования на достойный уровень при общегосударственной значимости вопроса», на что обращалось внимание президента Путина председателем Совета муфтиев России Р. Гайнутдином [15, с. 112–113], российские власти предприняли необходимые меры к тому, чтобы сформулировать концептуальное в*и*дение того, как на современном этапе должна развиваться система, нацеленная на подготовку квалифицированных кадров для мусульманских религиозных организаций и объединений и исламских образовательных организаций.

К этой работе[1] при координирующей роли Минобрнауки России и Департамента культуры Правительства Российской Федерации были привлечены лучшие университеты страны с мировой репутацией, ведущие федеральные университеты в национальных республиках, научно-исследовательские учреждения РАН (среди них – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт востоковедения РАН и др.). А также учрежденные крупнейшими муфтиятами страны мусульманские институты, имеющие государственную аккредитацию. Своеобразный центр интеллектуальной мысли возглавил академик РАН, декан Восточного факультета СПбГУ, директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский.

Как указывается в документе, получившем название «Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» [13], содействие светских вузов мусульманским образовательным организациям должно строиться на началах уважения и невмешательства во внутреннюю духовную составляющую деятельности религиозных организаций. Однако последние при этом обязуются принимать и учитывать социокультурные особенности и общественные задачи, составляющие элемент культурно-образовательной среды Российской Федерации в своей деятельности, в том числе, по обучению религии.

В Концепции четко сформулированы десять основных целей, на реализацию которых направлено развитие системной подготовки указанных специалистов. Среди них, в первую очередь, значится подготовка и переподготовка кадров для исламских образовательных и религиозных организаций, а также создание условий для возрождения российской исламской богословской школы.

Указывается на важность системного противодействия проникновению и распространению в Российской Федерации идеологии религиозного экстремизма и радикализма. Обозначаются гарантированные законодательством Российской Федерации права на общедоступное образование религиозной направленности, свободное удовлетворение потребности в углубленном изучении догматики, культа, права, этики, истории, материальной и духовной культуры ислама на основе доктринальных положений общепризнанных исламских богословских учений, имеющих исторически сложившееся распространение на территории Российской Федерации.

Путь, по которому должно пойти обновление системы религиозного образования в России, ясно очерчивает Р. Гайнутдин. Он предлагает, чтобы выстраиваемая система базировалась на трёх «китах» традиций [6, с. 29]: 1) классического исламского образования с акцентом, прежде всего, на ханафитском и шафиитском мазхабах, на матуридитском и ашаритском богословии, являющихся традиционными для мусульманских народов РФ; 2) отечественной теологической и философской школ, включая достижения джадидизма и представителей христианской мысли; 3) европейской науки.

Традиционные религии России долгое время добивались официального включения теологии как междисциплинарной области знания в систему не только собственно религиозного, но и государственного образования. Министерством образования и науки Российской Федерации были утверждены федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по теологии, как уровня бакалавриата, так и уровня магистратуры. Более того, только за последний год Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ был

[1] Автор статьи также принимал в этом участие в качестве члена рабочей группы по организации и контролю за исполнением плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2014-2016 годы, утверждённого распоряжением Правительства Российской Федерации в целях развития отечественного исламского образования и совершенствования системы мер по профилактике экстремизма.

утвержден паспорт научной специальности «Теология», на базе четырех организаций высшего образования был создан первый диссертационный совет по теологии (где будут защищаться работы по православной теологии). В 2016 гг. был утвержден состав Экспертного совета ВАК по теологии, в число членов которого вошли и специалисты по исламу. На очереди – открытие диссертационных советов, в которых можно будет получить учёную степень, защитив диссертацию именно в области исламской теологии.

В этой связи представляется, что сотрудничество государства с Духовными управлениями мусульман и учрежденными ими исламскими образовательными организациями, реализуемое на основе Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама [13], имеет важное актуальное значение не только для нашей страны, но также и для Казахстана, Кыргызстана и др. центрально-азиатских государств, где также относительно недавно приступили к модернизации исламского и религиоведческого образования. Руководители высших исламских учебных заведений в странах СНГ, выстраивая учебный процесс, могут ориентироваться на то, чтобы лучшие их выпускники смогли впоследствии защищать кандидатские и докторские диссертации по богословию не только в Турции, Египте, Марокко, но и в России.

Турция исторически являлась одним из ключевых субъектов диссеминации богословского и педагогического опыта. Со времен Османской империи Великая Порта постоянно претендовала на роль своеобразного диссеминатора исламского опыта и богословско-теологических знаний, передавая его своим реципиентам – близким и дальним другим обществам.

Похоже, что ближе к наступлению третьей декады XXI века на роль архитектора диссеминационной сети в сфере исламского образования смогут претендовать и иные субъекты, кто сумеет успешно овладеть донорской функцией конкурентоспособного распространителя инновационного педагогического опыта в области исламских знаний и наук.

В рамках широкомасштабной кампании, развернутой после неудачной попытки государственного переворота, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган призвал ряд дружественных евразийских правительств, особенно в тюркоязычных государствах Центральной Азии, к закрытию всех “школ террористической организации FETЦ Фетхуллаха Гюлена”. Жесткая позиция Турции в отношении гюленистов пока по-разному встречена в некоторых странах. Правительства Узбекистана и Туркменистана также уже давно закрыли гюленистские школы в местах их функционирования. Пожалуй, из тюркоязычных центральноазиатских стран только Кыргызстан не охотно идет на сворачивание деятельности гюленовских школ, тогда как Казахстан заявил о готовности выдворить из страны турецких преподавателей-гюленистов. Так же поступил и Азербайджан, ближайший союзник Турции в регионе, депортировавший из страны в рамках антигюленовской кампании 50 человек из преподавательского состава университета, перешедшего под государственное управление.

Для России призыв Эрдогана мобилизовать запреты гюленовских образовательных центров является в меньшей степени актуальным, поскольку деятельность Международного религиозного объединения “Нурджулар” решением Верховного Суда России от 10 апреля 2008 г. признана экстремистской и на основании Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” запрещена на территории России. А целый ряд книг Ф. Гюлена, которые успели выпустить некоторые российские издательства, были по суду внесены в Федеральный список экстремистской литературы и запрещены к распространению.

Вместе с этим российские духовные лидеры однозначно заявляют о готовности расширять и поддерживать плодотворные контакты в образовательной сфере с ведущими исламскими и университетскими центрами на территории Турции. Говоря о восстановлении российско-турецких отношений на новом уровне, духовный лидер российских мусульман Р. Гайнутдин назвал этот путь «горячо приветствуемым», ради которого российская умма готова прилагать усилия для всемерного укрепления. Пройдя такие испытания, Турция и Россия в условиях XXI века могут стать подлинными соавторами, со-акторами духовного возрождения не только для народов Евразийской цивилизации, но и, опираясь на принципы коранического гуманизма, для многих людей, жаждущих справедливости и высокой морали на всей планете.

Важно отметить, что дискурс Гайнутдина вполне согласуется с позицией Главы Управления по делам религии Турции М. Гёрмеза, заявлявшего ранее о том, что «совместное будущее немыслимо без политического, экономического, культурного и духовного сотрудничества во благо граждан России и Турции» [2], а также с заверениями президента Турецкой Республики Р. Эрдогана, произнесенными на торжественном открытии Московской соборной мечети 23 сентября 2015 г. [33],

в готовности развивать с Россией подлинное сотрудничество и взаимопомощь как представителей двух древнейших евразийских цивилизаций, нацеленное на благо народов и всего мира.

Очевидно, что сегодня активные процессы модернизации системы мусульманского образования складываются как в самой России, где религия мусульман, имея «отличительные черты, обусловленные как спецификой самого ислама, так и исключительно российскими реалиями», вписана в позитивный внутриконфессиональный и мусульманско-христанский диалог [43, с. 185]. Но также и в тех странах Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и другие государства, – избравших после распада СССР светскую основу демократического развития и имеющих собственный, порой уникальный опыт организации исламского образования. В какой степени все они заинтересованы в укреплении позитивных контактов между собой – покажет время.

В России развитие исламского образования признается как имеющее «важное государственное значение, особенно в свете стоящей перед исламской общиной страны задачи воссоздания отечественной богословской школы». Как отмечает один из разработчиков Концепции А.К. Аликберов из Института востоковедения РАН, она должна фундироваться как исторически складывавшимися в нашем Отечестве исламскими богословскими традициями, так и достижениями российской науки, имея в виду прежде всего научное исламоведение [44, с. 71–72].

Несомненно, что страны Центрально-Азиатского региона в качестве опоры формируемых у себя национальных систем исламского образования предпочтут собственные богословские традиции, имеющие не менее глубокие исторические корни. В определенном смысле мы становимся свидетелями соперничества в деле создания конкурентоспособной среди других богословских школ ислама.

Усилия некоторых из тех, кто намерен выдвинуться в число лидеров исламской духовной мысли, кто активно действует в направлении диссеминации собственного опыта в сфере мусульманского образования на страны с значительным мусульманским населением, справедливо рассматривать также и как действия, которые могут содействовать в укреплении религиозной безопасности государства как составной части его духовной и национальной безопасности, но и нести деструктивный характер, создавая угрозы национальной идентичности страны, ее духовному суверенитету.

Литература

1. *Акаев В. Х.* Национальные интересы России в контексте цивилизационных перемен // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 115–123.
2. *Амиров Р.* Мехмет Гермез: только просвещение может излечить от терроризма [Электронный ресурс] / РИА-Новости: сайт, 2015. Режим доступа: https://ria.ru/religion/20151110/1317891494.html, свободный.
3. *Басилов В. Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: «Наука», 1992. 327 с.
4. *Бигиев М. Д.* Избранные труды / [сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 398 с.
5. Борьба с терроризмом в современном мире: эксперт КИСИ принял участие в семинаре в Германии [Электронный ресурс] / Казахстанский институт стратегических исследований: сайт, 2016. Режим доступа: http://kisi.kz/ru/categories/articles/posts/bor-ba-s-terrorizmom-v-sovremennom-mire-ekspert-kisi-prinya, свободный.
6. *Гайнутдин (Гайнутдинов) Р.И.* Принцип универсальности знания как основа исламского образования // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 27–32.
7. *Гайнутдин Р. И.* Российская Федерация – это ее народы, исповедующие разные религии // Россия и мусульманский мир. 1997. № 3.
8. Государственная политика в религиозной сфере: законодательные основы, концепция и «традиционный ислам» в Кыргызстане: Методические материалы / Чотаев З.Д., Исаева Г.К., Турсунбеков З.А. Бишкек, 2015. 34 с.
9. Государство и религия: метод. пособие / Под общ. ред. О.А. Молдалиева. Бишкек, 2015. 38 с.
10. Директора медресе отчитывались перед Верховным муфтием [Электронный ресурс] / Muftyat.kz: официальный сайт Духовного управления мусульман Казахстана, 2016. Режим доступа: http://old.muftyat.kz/ru/news/view?id=8542, свободный.

11. *Кашаф Ш.Р.* Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 47–62.
12. *Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. М.* Языкова политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие [пер. с англ. О. Богдановой]. М.: Центр книги Рудомино, 2015. 320 с.
13. Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 63–78.
14. *Мухаметшин Ф.М.* Конституционное оформление взаимоотношений государства и религии // Россия – Средняя Азия. Т. 2 : Политика и ислам в XX – начале XXI вв. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 330–342.
15. *Мухетдинов Д.В.* Ислам в XXI веке: программа обновления (сборник докладов). М.: ИД «Медина», 2016. 196 с.
16. Патриарх Кирилл: Казахстан – пример мирного взаимодействия людей, принадлежащих различным этносам и религиям [Электронный ресурс] / Международное информационное агентство «Казинформ»: сайт, 2015. Режим доступа: http://www.inform.kz/ru/patriarh-kirill-kazahstan-primer-mirnogo-vzaimodeystviya-lyudey-prinadlezhaschih-razlichnym-etnosam-i-religiyam_a2852075, свободный.
17. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 2012. Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-, свободный.
18. Председатель Духовного управления мусульман Казахстана, Верховный Муфтий Ержан кажы Малгажыулы: «Религия становится необходимым и, безусловно, позитивным фактором развития государства» [Электронный ресурс] / Интерфакс: сайт, 2016. Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/?act=radio&div=2317, свободный.
19. Президент: Единственная признанная структура традиционного Ислама в нашей стране – Духовное управление мусульман Казахстана [Электронный ресурс] / МИА «Казинформ»: сайт, 2013. Режим доступа: http://www.inform.kz/ru/prezident-edinstvennaya-priznannaya-struktura-tradicionnogo-islama-v-nashey-strane-duhovnoe-upravlenie-musul-man-kazahstana_a2536207, свободный.
20. Руководство РФ будет поддерживать развитие мусульманского богословия в стране [Электронный ресурс] / Интерфакс: сайт, 2015. 23 сент. Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=60271, свободный.
21. *Сапар Али Б., Елдесбай Т.* Рациональный путь развития суверенного Казахстана. Часть 1-я [Электронный ресурс] / ЦентрАзия: сайт, 2010. Режим доступа: http://www.centrasia.ru/news.php?st=1269841500, свободный.
22. Сегодня Глава государства Нурсултан Назарбаев провел встречу с представителями Духовного управления мусульман Казахстана [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 2013. Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/segodnya-glava-gosudarstva-nursultan-nazarbaev-provel-vstrechu-s-predstavitelyami-duhovnogo-upravleniya-musulman-kazahstana, свободный.
23. *Султанбекова С.* Деструктивные формы религиозности в Республике Казахстан как один из факторов угрозы национальной безопасности [Электронный ресурс] / Время Востока (East Time): сайт, 2016. Режим доступа: http://www.easttime.ru/analytics/kazakhstan/destruktivnye-formy-religioznosti-v-respublike-kazakhstan-kak-odin-iz-faktorov-, свободный.
24. *Султангалиев М.* Кайрат Лама Шариф: Ислам – религия единства, мира и добра // Казахстанская правда. 2011. 10 авг.
25. *Сызранов А.В.* Исламизированное шаманство у казахов и ногайцев-карагашей Нижней Волги в XIX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 47–55.
26. *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85–93.
27. Турция: новая роль в современном мире. – М.: ЦСА РАН, 2012. 80 с.

28.Указ Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 года УП № 203 «О Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс] / Централизованный банк данных правовой информации Министерства юстиции Кыргызской Республики: сайт, 2014. Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/68293, свободный.
29. *Фурман Д., Бектурганова Б.* Массовое сознание и религия в Казахстане и России // Свободная мысль: Теоретический и политический журнал. 2005. № 1. С. 80–92.
30. Харисова Л. А. Педагогический потенциал ислама. – М.: ООО «ТИД "Русское слово-РС"», 2008. 352 с.
31. *Шайкемелев М. С.* Казахская идентичность. Монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 272 с.
32. *Шарков Ф.И.* Информационно-коммуникационная парадигма развития государственности: цивилизационный надкультурный и надрелигиозный аспекты // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 4. С. 175–182.
33. Эрдоган: Московская Соборная мечеть внесет свой вклад в установление мира и взаимопомощи на земле [Электронный ресурс] / Мусульмане России: официальный сайт Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Российской Федерации, 2015. Режим доступа: http://www.dumrf.ru/msm/speches/9733, свободный.
34. Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи. Отчет Ассоциации социологов и политологов Казахстана, проведенного в рамках первого этапа проекта «Как живешь, молодежь?» (апрель-май 2016 г.) [Электронный ресурс] / Аналитическая группа «Кипр»: сайт, 2016. Режим доступа: http://agkipr.kz/wp-content/uploads/2016/10/ОТЧЕТ-АСиП-ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ-ИДЕНТИФИКАЦИИ-РЕГИОНАЛЬНОЙ-МОЛОДЕЖИ.pdf, свободный.
35. *Braslavsky C.* Schools today: shortage of teachers or shortage of meaning? // Journal Prospects. Jun 2003. Vol. 33.
36. Cumhurbaşkanı Erdoğan Elazığ'a dikkat çekti. URL: http://www.cnnturk.com/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-elaziga-dikkat-cekti (accessed: 10.11.2016).
37. *Dağlı T.* Obama'nın danışmanı itiraf etti! FETÖ darbesinin arkasında CIA var = Советник Обамы признал: за переворотом FETЦ стоит ЦРУ [Электронный ресурс] / haber7.com, 2016. Available at: http://www.haber7.com/yazarlar/taha-dagli/2109553-obamanin-danismani-itiraf-etti-feto-darbesinin-arkasinda-cia-var.
38. *Dal E. P.* On Turkey's Trail as a "Rising Middle Power" in the Network of Global Governance: Preferences, Capabilities, and Strategies // Perceptions: Journal of International Affairs, Winter 2014, Vol. 19 Issue 4, pp. 107–136.
39. *Müftüler-Baç, M.* Turkey as an Emerging Power: An analysis of its Role in Global and Regional Security Governance Constellations, EUI Working Paper, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, Florence: European University Institute, 2014.
40. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. 2004. 191 p.
41. Speech entitled "Vision 2023: Turkey's Foreign Policy Objectives" delivered by H.E. Ahmet Davutoğlu, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey at the Turkey Investor Conference: The road to 2023 organized by Goldman Sachs (London, 22.11.2011). Available at: http://www.mfa.gov.tr/speech-entitled-_vision-2023_-turkey_s-foreign-policy-objectives__-delivered-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-minister-of-foreign-af.en.mfa
42. Turkey's Rise as an Emerging Power / Paul Kubicek, Emel Parlar Dal and H. Tarık Oğuzlu, eds. London and New York: Routledge, 2015.
43. *Сеидова Г.Н.* Шиитская община Дагестана как пример позитивного мусульманско-христианского диалога // Мировые религии в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания. Христианство и ислам в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания в Российской Федерации и Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе / Отв. ред. Д. Л. Спивак, С. Шенкман. СПб: Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии / Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С. 183–189.
44. *Аликберов А.К.* Российское исламоведение, его предмет и место в системе гуманитарных знаний (По следам одной научной дискуссии) // Ars Islamica : в честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов ; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. – С. 51–76.

Kashaf Shamil Ravilyevich, research associate of the Center of studying of Central Asia, Caucasus and Uralo-Volga region, Institute of oriental of RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation); coordinator of the projects of UNESCO department of comparative studies of spiritual traditions, specifics of their culture and interreligious dialogue in the North Caucasus.
E-mail: Kashaf.dumrf@gmail.com

DISSEMINATION OF EXPERIENCE IN INSTITUTIONAL ORGANIZATION OF ISLAMIC EDUCATION IN TERMS OF FOREIGN RELATIONS BETWEEN RUSSIA, TURKEY AND CENTRAL ASIA

Abstract

One of the characteristics of modern society, more and more susceptible to increasing secularization, is a process of social integration of the two most important institutions: religion serving the needs of people in order to solve their spiritual problems, and education designed to satisfy human givens of knowledge and competency. This article deals with the existing experience of organizing Islamic education (the cases of Russia, Turkey, Kazakhstan, Kyrgyzstan and others Central Asian countries), including collaboration between Muslim religious organizations and various institutions of the secular state. The author makes a conclusion that the efforts in disseminating the experience of organizing Islamic education in countries with large Muslim population may serve the purposes of the secular state, reinforce spiritual sovereignty of the state and its national security in cooperation with socially important religious organizations; on the other hand, it has a destructive potential, capable of creating a threat – through the system of education – to spiritual and political unity of multi-religious society.

Keywords: *state education policy, spiritual unity, institutions, Islam, Islamic education, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Muslim religious organizations, Russia, Turkey.*

УДК 32

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АМБИВАЛЕНТНОСТИ ПОЛИТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ)

Котов Сергей Владимирович доктор политических наук, профессор кафедры технологии и профессионально-педагогического образования, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42). E-mail: cat0016@yandex.ru

Котова Нина Сергеевна доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: inyaz@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена амбивалентности людей в политическом поле. Утверждается, что природа амбивалентности антропогена и отличается политическим контекстом и подходом к самой амбивалентности. Кроме того, данные подходы могут привести к тому, что представление амбивалентности политического выбора выходит за узкополитические рамки. Мы пришли к выводу, что сама атмосфера и условия выборной кампании могут вызывать амбивалентность кандидатов во время выборной кампании. Например, во время выборов президентов, избирательная кампания провоцирует амбивалентность, уровень противостояния кандидатов и партий очень высокий.

Ключевые слова*: амбивалентность, праймериз, избирательная кампания, выборы, политические партии.*

Политическая коммуникация представляет собой богатую, сложную и важную область в сфере исследований по проблемам коммуникации. Однако ученые не всегда уделяли должное внимание целостному взгляду на проблему, останавливаясь дискретно на отдельных характеристиках конкретного периода истории политической науки [1]. Однако мир меняется, меняется и политическая коммуникация. После окончания Второй мировой войны главным зеркалом и ареной политической коммуникации стала пресса, затем телевидение, затем многоканальное телевидение и, наконец, Интернет. Вместе с этими переменами произошли и другие, связанные